

ГЛАВА 1

Три взрыва на дискотеке

Люсьена Караваева, или попросту Люська, сидела на кухне и пила молоко. Вообще-то она молоко терпеть не могла, но сегодня был такой отвратительный день, что ей захотелось испортить его окончательно и бесповоротно.

Все дело было в том, что в школе Люська поссорилась со своей лучшей подругой Наташей Драгомиловой. Коварная Наташка получила за контрольную по алгебре «пять», а она, Люська, почему-то «два», хотя списала уравнения с присланного подругой листка тютелька в тютельку, циферка в циферку. Само собой разумеется, что после такого предательства Люська во всеуслышание заявила, что Драгомилова ей больше не подруга, потому что на-

стоящие подруги так не поступают. Теперь Люська запивала свое горе отвратительной белой жидкостью и думала, как отомстить подлой Наташке.

Стакан уже на две трети был пуст, а Люська так ничего и не придумала. Она подошла к окну и выглянула во двор. В возмущении от того, что увидела, Люська со всего маху шлепнула стакан доньшком о подоконник. Молоко с отвратительным чмоканьем подпрыгнуло и выскочило прямо на джинсы. Люська при этом с каким-то злорадным удовлетворением подумала, что день, как она того и добивалась, испорчен наконец на все сто, и сконцентрировалась на парочке, которая стояла посреди двора у сломанных качелей. Это были вышеупомянутая бывшая подруга Наташка Драгомилова и Денис Стельманчук из 9 «Б». Ошибки в алгебраических уравнениях Наташкиной записки показались Люське детсадовской шалостью по сравнению с этим, куда более грандиозным предательством.

Стельманчуку Люська уже битых две недели строила глазки. Он уже почти начал реагировать нужным образом на все ее «ужимки и прыжки», как вдруг его взяла да и перехватила Драгомилова.

А ведь как все хорошо начиналось! Они с

Золотая девочка

Наташкой в позапрошлый понедельник решили, что им давным-давно пора влюбиться. Дожили до четырнадцати лет, а любви до сих пор ни в одном глазу. Прямо стыдно перед классическими образцами — Джульеттой там и... прочими. В поисках подходящих объектов они сначала перебрали своих одноклассников и забраковали всех до единого. Оно и понятно: как можно влюбиться в Рябушинского, Изотова или Карамышева, вместе с которыми в младшей группе детского сада манную кашу по столам размазывали да на горшках рядом сидели? Пришлось обратить свои взоры на 9 «Б» и 9 «В». После бурного обсуждения кандидатур остановились на двух: Денисе Стельманчуке из 9 «Б» и Артеме Каретникове из 9 «В». Люське больше нравился блондинистый Стельманчук, а Наташку вполне устраивал Каретников. И вдруг такое!

Ну, погоди, Наташка! Ладно! Она, Люська, тоже не лаптем щи хлебает. Она пожертвует Денисом, так и быть. Зато завтра, на дискотеке в честь окончания первой четверти, она уже больше тянуть резину и полагаться на долгие взгляды не станет, а прямо с ходу пригласит на первый же медленный танец Каретникова. Пусть у него нет таких белокурых

кудрей, как у Дениса, но, в общем-то, он тоже очень даже ничего.

На этом Люська несколько успокоилась. Она еще раз глянула на Наташку как можно презрительнее, будто та могла ее взгляд заметить, и пошла замывать молочные разводы на джинсах.

Дискотека была уже в самом разгаре, а Люська так и не сумела заставить себя подойти к Артему. Он был в гуще «вэшников» и на Караваеву, естественно, не смотрел, а, похоже, был увлечен своей одноклассницей Лизой Малиновской. Наташка же уже несколько раз танцевала со Стельманчуком.

Когда Денис в очередной раз направился к Драгомиловой, Люська наконец решилась. Ноги у нее тряслись, щеки горели. Хорошо, что в полутемном зале никто этого не мог заметить. Она уже довольно близко подошла к Артему, когда совсем рядом с ними, откуда-то из-под плотно стоящих у стен стульев, раздался взрыв. В темноте никто ничего не понял. Девчонки завизжали, многие бросились к выходу. Люську и еще двух девчонок из 9 «В» уронили на пол. Артем поднял одноклассниц по очереди за руки, и они тоже понеслись к

Золотая девочка

выходу. Люська же, которая уже догадалась, что это не террористический акт, а всего лишь взрыв обыкновенной ларечной петарды, решила еще полежать на полу, чтобы дожидаться помощи Артема.

— Вставай, Караваева, — Каретников наконец подал руку и ей.

Люська скривилась:

— Ногу больно...

— Ушиблась, что ли?

— Не знаю... Может, вывих...

— Держись за меня. Потихоньку поднимайся.

Люська, у которой ничего не болело, с оханьем и легким постаныванием стала вставать с пола, вцепившись в рукав Каретникова.

— Ну как? — спросил Артем. — Идти-то можешь?

— Не знаю... — пролепетала Люська, пытаясь делать шаги. Она так натурально прихрамывала и попискивала, что Артем испугался:

— Может, у тебя перелом? Пойдем-ка в медкабинет.

— Какой медкабинет вечером? Медсестра уже давно дома телевизор смотрит, — возразила Люська и огляделась.

В зале уже зажгли свет. Физрук Леонид Борисович вместе с учителем физики Петром

Михайловичем раздвинули ряды стульев и действительно вытащили оттуда ошметки китайской петарды.

— Вот идиоты! — глядя на петарду, раздраженно пробурчал Каретников. — Такую дискотеку испортили, взрыватели!

Люська поняла, что Артем выходит из-под контроля, и усиленно захромала около него, снова тихонько постанывая.

— Ну что? — опять вынужден был заняться ею Каретников. — Больно? Давай я тебя быстро домой отведу. Может, еще назад успею...

Возвращение Артема на дискотеку в Люськины планы не входило, и она захромала так, будто одна нога у нее была короче другой сантиметров на двадцать.

А в зале уже опять погасили свет, врубили музыку. Свободное пространство в центре начало заполняться танцующими парами. Люська изо всех сил опиралась на руку Каретникова, и он, с тоской оглядываясь на Лизу Малиновскую, потащил Караваеву к выходу. Они подошли уже почти к самым дверям, когда в коридоре послышался второй взрыв, а потом, из гардероба, третий. Разумеется, после такого салюта дискотеку директор прикрыла, и Артем, уже никуда особенно не торопясь, по-

Золотая девочка

шел провожать Караваеву до дома. У подъезда он спросил:

— Дальше-то сама дошкандыбаешь или до квартиры подбросить?

Люська набрала в грудь побольше воздуха и решила действовать напрямик.

— А тебе не кажется, Артем, что это судьба? — спросила она каким-то деревянным от смущения голосом.

Каретников в недоумении уставился на Люську:

— Какая еще судьба? Ты про что?

— Ну... про то, что мы с тобой оказались рядом в момент взрыва.

— И что? — не понял Артем.

— Как это что? Говорю же: судьба нас свела.

Поскольку Артем продолжал непонимающе хлопать глазами, Люська была вынуждена пояснить:

— Ну... как Роуз с этим... ну, в общем... с тем, которого Леонардо Ди Каприо играет. В «Титанике». Понимаешь?

Каретников наконец вышел из оцепенения и громко рассмеялся:

— Ну ты даешь, Караваева! У тебя совсем крыша струнулась с этим «Титаником»! Потвоему, китайская петарда — судьба?

— А ты думал, что судьба — обязательно

нечто грандиозное, да? Небо разверзается и оттуда — указующий перст божий? Как же, жди! Судьба — это, например, черная кошка или вот... наша петарда!

— К чему ты несешь эту чушь, Караваева? Что-то никак не пойму!

Люська вздохнула, уже не притворно, а по-настоящему, и сказала:

— Ничего я не несу. Я просто... предлагаю не противиться судьбе и... пойти вдвоем, через неделю, на спектакль «Лекарь поневоле». Помнишь, Нина Антоновна советовала. Ставит театр «Буфф». Мне мама обещала купить билеты.

— То есть ты вроде как меня приглашаешь? А, Караваева? — опять изумился Артем.

— Приглашаю, — отозвалась Люська. — Только у меня имя есть и, между прочим, очень красивое.

— Люська — это нынче красиво?

— Не Люська, а Люсьена, ясно?

— Люсье-е-ена? — громко протянул Каретников. — Ну, Люсьена действительно получится Люськи будет.

Он чуть отодвинулся от Караваевой и стал оглядывать ее с головы до ног и обратно.

— Чего уставился? — поежилась Люська. — Скажешь, что я слишком рыжая?

Золотая девочка

— Скажу! Ты, без всякого сомнения, рыжая!

— А мама говорит, что я не рыжая, а солнечная, золотая.

— Так то мама...

Люська поняла, что партия проиграна. Конечно, она никакая не золотая, а рыжая, с непослушными кольцами густых волос и россыпью веснушек по круглому лицу. Про таких говорят — на любителя. Каретников явно любителем Люсек не был. Караваева повернулась к нему спиной и, позабыв про хромоту, шагнула к подъезду, но Артем вдруг задержал ее за рукав:

— Ну ладно, золотая, давай сходим на «Лекаря». Так и быть. Против судьбы не попрешь!

ГЛАВА 2

У каждого свои тайны

На каникулах Караваева отчаянно скучала. С Наташкой она больше не водилась, а Настя Калетина, с которой Люська всегда была в легких приятельских отношениях, с первого сентября находилась в санатории. Там она лечилась и училась одновременно. Люська очень

жалела, что назначила Артему свидание через неделю. После дискотеки у хорошо освещенного подъезда она смогла как следует разглядеть его и действительно поверила в судьбу. Каретников ей понравился. Он был явно лучше белокурого Стельманчука: выше, шире в плечах, и глаза у него были хорошие — яркие, карие и... добрые.

Люська, изнемогая от безделья, за четыре дня каникул проглотила три любовных романа, два детектива и даже перечитала во второй раз «Евгения Онегина», которого они скоро будут проходить по литературе. Перевернув последнюю страницу пушкинского романа, Люська откинулась на подушки дивана и закрыла глаза. Ей представилось, как они с Каретниковым идут по улице в театр, а из-за угла школы вдруг выбегает Денис Стельманчук с пистолетом в руке и кричит:

— Стой! Стрелять буду!

Артем тут же выхватывает свое оружие, но Люська не дает ему стрелять. Она бросается вперед, закрывает его своим телом и кричит в ответ Денису:

— Прости! Я другому отдана и буду век ему верна!

Тут откуда ни возьмись в длинном платье с открытыми плечами и тоже с пистолетом в

Золотая девочка

тонкой руке появляется бывшая подруга Наташка Драгомилова и вероломно стреляет в Люську. Караваева падает и немедленно начинает умирать. И она наверняка умерла бы до конца и навсегда, если бы Драгомилова не начала ее дико и безжалостно трясти за простреленное плечо.

— Люся! Люся! Да проснись же ты наконец! — Наташкин голос непостижимым образом превратился в мамин, и Караваева очнулась.

— К тебе пришли, — сказала мама, подтолкнула к дивану Люськину одноклассницу Лену Прокопчину и вышла из комнаты.

Лена Прокопчина, бессменная староста 9 «А» с пятого класса, была человеком очень серьезным и строгим. Просто так, ни с того ни с сего, заявиться к Люське в гости она не могла.

— Лена? — удивилась Караваева, с трудом отходя от удивительного сна. — Что-нибудь случилось? Я куда-нибудь забыла прийти... на какое-нибудь собрание?

— Ничего не случилось, — как всегда, скуппо улыбнулась Лена. — Просто... мне с тобой поговорить надо. С глазу на глаз. Без свидетелей.

Люська мучительно вспоминала, где она

все-таки дала маху. Старосты по пустякам с глазу на глаз разговаривать не приходят.

— Н-ну... я слушаю, — Караваяева поднялась с подушек дивана, села, железно выпрямив спину, и уставилась на горшочек с фуксией, который стоял на полочке ее секретера.

— Люсь...

Голос Прокопчиной вместо назидательного показался Караваяевой жалобным. Люська осторожно перевела взгляд с фуксии на старосту и окончательно растерялась. Лена смотрела в пол, а руки ее скручивали в узел длинные ремешки сумочки.

— Люсь, — повторила она, не поднимая глаз, — ты... ты не могла бы мне помочь?

— Я? — удивилась Люська.

— Ну да... ты...

— Чем? Да что случилось-то? — продолжала круглить глаза Караваяева.

— Ну... в общем... ты не могла бы поменяться со мной местами?

— В каком смысле? — ужаснулась Люська, представив себя старостой.

— В обыкновенном. Ты в классе сядешь к Изотову, а я... на твое место...

— А-а-а... — протянула Люська. — А зачем?

— Ну... — Лена начала скручивать в рулет

Золотая девочка

длинную мягкую сумочку. — Могла бы догадаться...

— Могла бы, — согласилась Люська, — но... что-то у меня никак не получается...

— Понимаешь... мне бы хотелось сесть к... Лаевскому... Ну... в целях помощи ему как неуспевающему... — Ленины щеки покрылись таким багровым румянцем, на какой даже Люськино бледное лицо было не способно.

— А-а-а... — в полном недоумении опять протянула Караваева, а потом вдруг мгновенно все поняла и хитро улыбнулась: — Как неуспевающему, говоришь?

— Конечно... Ведь если он подтянется, то... и всему классу тоже будет хорошо...

— Это чем же? — уже в голос рассмеялась Люська.

— Зря смеешься, между прочим. — Лена ерзала на диване так, будто сидела не на нем, а на раскаленной сковородке. — Мы тогда среди девярых классов станем лучшими по успеваемости... и сможем поехать на следующих каникулах на экскурсию в Новгород. Помнишь, директриса говорила на общешкольном собрании?

— Брось, Ленка! — Караваева подседа вплотную к старосте и взяла ее под руку. — Какой там Новгород! Я же не слепая. Ты в него влю-

билась, в Лаевского? Во даешь! Староста — и в самого двоечника... Класс!

— Почему сразу влюбилась? — не сдавалась Прокопчина, но по ее лицу было понятно, что Люська попала в самую точку.

— Конечно, влюбилась! Все же видно невооруженным глазом!

Лена вскочила с дивана, намереваясь уйти, но Люська усадила ее обратно.

— Лен, слушай! Вот — честное слово, я никому ничего не скажу и запросто могу пересестись к Изотову. Только как ты себе это представляешь? С чего вдруг я пересяду?

Староста посмотрела на Люську своими серьезными темными глазами и глухо спросила:

— А ты точно... никому?... Даже Драгомиловой?

— Могила! — Люська для убедительности прижала обе руки к груди. — А с Наташкой я вообще-то поссорилась. По-моему, все в курсе. Я не скрываю.

— Я, знаешь, думала, что ты, может быть, громко, на весь класс, попросишь меня поменяться с тобой местами...

— Ну конечно! — возмутилась Люська. — Вот так придумала! Изотов тут же себе что-нибудь навоображает про меня!

Золотая девочка

— Нет-нет, ничего не навоображает, если ты скажешь... что с доски плохо видишь, например. А, Люсь?

— Плохо вижу? У меня, между прочим, со зрением все в порядке. Но сказать, конечно, могу. Лен! А как тебя все-таки угораздило: отличницу — и в «позор класса»? — Лена вздрогнула, и Караваяева поспешила заметить: — Ты же сама его на собраниях так клеймила...

— Не знаю, Люся, как это получилось. — Глаза Лены заблестели слезами. Чувствовалось, что староста неимоверным усилием воли не дает им пролиться. — Я поначалу действительно думала о нем как о «позоре класса», но довольно часто... ну... как староста. А потом, наверное, привыкла все время о нем думать.

— А что... — Люська представила себе «позор класса». — Он, если... ну... отвлечься от его лени, пожалуй, и ничего... Мы как-то все его за человека не считаем... — Она спохватилась, что говорит несколько не то, и добавила: — Ты уж не обижайся, но это так.

— Я и не обижаюсь, — печально повела плечами Прокопчина. — Я и сама его за человека не считала.

— Ладно, Лена! — подвела итог Люська. — Я сделаю все, как ты хочешь, потому что

очень хорошо тебя понимаю. Я тоже могла бы многое сделать для одного человека... Впрочем, это к делу не относится.

— Тогда я, пожалуй, пойду, — староста встала с дивана, обратив на Люську тревожные глаза.

— Я же сказала — могила! — еще раз успокоила ее Караваева.

Когда Лена ушла, Люська опять улеглась на подушки и задумалась о своем соседе по парте. «Позор класса», или иначе Филя Лаевский, имел еще прозвище Киркор. Он был похож на знаменитого певца не только именем. У него было такое же несколько женственное лицо, кудрявые смоляные волосы до плеч и вишнево-карие глаза навывкате. Несмотря на столь яркую внешность, Филя успехом у девочек не пользовался, да и среди парней особых друзей не имел. И все потому, что был ленив до безобразия. По причине этой своей лени он практически не участвовал ни в каких классных мероприятиях, никуда с одноклассниками не ходил и не ездил. Исключение составляли дискотеки, на которых он, правда, никогда не танцевал — то ли все из-за той же лени, то ли потому, что давно перестал кого-либо интересовать.

Киркор прозывался «позором класса» на

Золотая девочка

том основании, что имел двойки по всем предметам и дотащился до девятого класса только благодаря усилиям классной руководительницы. Нелли Игнатъевна почему-то симпатизировала ему, отстаивала на всех педсоветах и ежегодно выгораживала перед школьным родительским комитетом. Киркор ее самоотверженности абсолютно не ценил, «домашки» постоянно списывал с Люськиных, а на уроках разгадывал кроссворды, журналами с которыми вместо учебников набивал свой огромный рюкзак.

Староста Лена Прокопчина проводила с Филей бесконечные воспитательные беседы, но успех они имели такой же, что и неутомимая деятельность Нелли Игнатъевны. Филя молча выслушивал Лену и по окончании мероприятия тут же сосредоточивался на очередном кроссворде вместо геометрии или физики. Люська слышала, что матери часто из всех своих детей больше любят именно больных и увечных, по причине жалости к ним и потому что с ними приходится очень много возиться. Наверное, поэтому обожала Филю Нелли Игнатъевна и поэтому полюбила его строгая и правильная староста Лена Прокопчина. Другого объяснения Лениной любви Люська не находила.

ГЛАВА 3

Пропажка классного журнала

В понедельник после каникул Люська бежала в школу радостная и озабоченная одновременно. Во-первых, она соскучилась по всем. Наташка уже не казалась такой подлой. Люська была даже не прочь с ней помириться, тем более что Стельманчук ее больше не интересовал. Она могла совершенно спокойно подарить его Наташке. Пусть пользуется. Люська хотела побыстрее увидеть Артема и боялась встречи. Вдруг он ее высмеет, выставит на посмешище... Пацаны — они такие. Они это могут. Во-вторых, Люська должна была выполнить данное Прокопчиной обещание, а потому на разные лады проговаривала в уме фразу о своем внезапно вдруг ухудшившемся зрении.

— Здорово, золотая! — услышала Люська знакомый голос, вздрогнула и обернулась. Ее догонял Каретников.

— Ну, как нога? — спросил он.

— Н-нормально, — неожиданно вдруг стала заикаться Люська. Она совершенно забыла,

Золотая девочка

какой спектакль устроила на дискотеке для Артема. — Ты з-наешь... б-был вывих... кажется. Но за неделю совершенно прошел! — обрела она под конец твердость в голосе.

— В театр-то дохромаешь? Не забыла приглашение? — Артем опять оглядел Люську с головы до ног, но она уже больше не ежилась, потому что видела — взгляд у него веселый и теплый.

— Не забыла. У нас седьмой ряд партера. Встречаемся у школы в шесть вечера.

— Заметано! — крикнул Артем и скрылся в гардеробе.

В классе на вошедшую Караваеву никто не обратил внимания, поскольку все, сбившись в кучу, что-то громко обсуждали. Люська бросила рюкзачок на парту и подошла к одноклассникам.

— Я не собираюсь никакие экзамены сдавать! — горячился Ромка Изотов, один из товарищей Люськи с Наташкой по детсадовским горшкам и манной каше. — Пусть те уроды, которые такую подлянку устроили, сами их и сдают!

— Может, поможешь их вычислить? — с издевкой спросила Драгомилова.

— А это не мое дело. Пусть ментов вызывают, собак всяких служебных!

— Да что случилось-то? — не вытерпела Люська.

— Ты что, Люся, ничего не знаешь? — удивилась Наташка.

Люська поняла, что случилось что-то ужасное, из ряда вон выходящее, поскольку Драгомилова забыла про ссору и даже назвала ее Люсей. Испуганная Караваева отрицательно помотала головой.

— Понимаешь, — повернулась к Люське Лена Прокопчина, — куда-то пропал наш классный журнал.

— И что? — не оценила всю серьезность ситуации Люська.

Прокопчина выразительно покачала головой, поразившись недогадливости Караваевой:

— Да ты что, Люся? Журнал-то пропал с отметками за первую четверть! Похоже, все предметы пересдавать придется!

— Да ну? — Люська до невозможности округлила свои и без того круглые глаза, а щеки ее, как всегда от испуга, зажглись ярким румянцем. Отметки за первую четверть у Люськи были не очень... Даже два тройка имелись — по алгебре и по физике. Люська как раз соби-

Золотая девочка

ралась со второй четверти несколько поднажать на учебу, чтобы вытянуть аттестат получше. Пересдавать предметы еще и за первую четверть ей не улыбалось, как и Ромке Изотову.

— Надо выяснить, кому выгодна пропажа журнала, — начала соображать Люська.

— Точно! — подхватил Изотов и обернулся к Филе Лаевскому: — Колись, великий артист, твоя работа? Больше вроде некому: у тебя «гуси-лебеди» по всем предметам.

По своей привычке томно растягивая слова, Лаевский проговорил:

— Во кретины! Это ваши отметки трудно восстановить, а у меня — только два наименования оценок имелись: «два» и «один», училки не ошибутся. Так что красть журнал мне без надобности. Думать-то надо хоть иногда!

— Если ты такой умный, — ядовито заметила Драгомилова, — может, сообразишь заодно, кто такую надобность имел?

Филя, вальяжно развалившись за партой, завел яркие глаза под потолок так, что засверкали молочно-голубые белки, и, цедя слова по одному, изрек:

— Фамилии я вам, конечно, не назову, но, думаю, это сделал тот, кто на дискотеке педарды рвал.

— С чего ты взял? — не увидела никакой связи Лена.

— С того! Петарды наверняка были отвлекающим маневром. Неужели трудно догадаться? — Филя с жалостью посмотрел на бестолковых одноклассников. — Ну! Шевелите мозгами! На взрывы вся школа сбежалась, а журнальчики, между прочим, в учительской без охраны оставались.

— Брось, — махнула рукой Люська. — Петардами наверняка 8 «Б» баловался. Они всю неделю перед каникулами с ними носились. Помните, даже в столовой один раз рванули? А зачем 8 «Б» наш журнал?

— То-то и оно, что это не 8 «Б», — продолжил Филя. — 8 «Б» вообще на дискотеке не было. Их классная в Пушгоры на два дня увезла. Специально, чтобы от этих петард отвлечь и загрузить «высоким, добрым и вечным».

— Ну, Киркор! Ну, ты прямо Ларин, Волков и Дукалис в одном лице! — восхитился Изотов. — Непонятно только, почему учишься на одни «колы». Ну-ка, поскрежещи еще мозгами: если не 8 «Б», то кто?

Филя от такой похвалы порозовел и еще более глубокомысленно произнес:

— Кроме вас, — Лаевский картинно выбросил вперед руку с пальцем, направленным

Золотая девочка

на одноклассников, — журнал никому не нужен. Преступник среди вас!

— Нет, ребята, это не наши, — решительно отмела подозрения Киркора Лена. — Петардами у нас с седьмого класса никто не увлекается, а на дискотеку мы все вместе пришли и вместе танцевали. Никто никуда не выходил и никаких подозрительных действий не совершал.

Киркор, оторвавшись от очередного кроссворда, сатанински расхохотался:

— Ха-ха-ха! Подозрительные действия! Вы рассуждаете, как грудные дети. Неужели не догадываетесь, что петарды были подложены заранее?

— Ага! А управление у них — дистанционное, прямо из родного Китая! — рассмеялся Изотов.

— Дешевенький у тебя юморок, Ромашка, — снисходительно заметил ему Филя. — Не соображаешь? Во всеобщем веселье да в темноте поднести зажигалку к запалу — раз плюнуть!

Люська хотела сказать, что так же, как и Лена, не видит связи между взрывами петард и пропажей журнала, но в класс вошла Нелли Игнатьевна, и началась геометрия. Вместо журнала учительница ставила отметки в свою

тетрадку, а на вопросы об экзаменах за первую четверть отвечать отказалась.

— Ничего не знаю. Как директор решит, так и будет. А вообще-то... — Нелли Игнатьевна обвела взглядом класс. — Отдали бы вы журнал, ребята!

— Мы журнал не брали, — встала со своего места Лена. — А вот вы, Нелли Игнатьевна, скажите нам: уже выяснили, кто на дискотеке петарды взрывал? Вы ведь дежурили в зале, кажется?

— Нет, к сожалению, виновников так и не нашли. Но похоже, что злоумышленник был не из нашей школы. Мы, как всегда, чужих старались не пускать, но они, сами знаете, все равно всеми правдами и неправдами просачиваются. Дежурные старшекласники видели чужого паренька в какой-то там необычной одежде... я в этом не разбираюсь... Впрочем, дискотека и петарды не имеют никакого отношения к геометрии, а у нас урок. Вы не забыли? К доске прошу... Наташу Драгомилову!

Пока Наташка у доски с трудом отходила от каникулярного безделья, Люська пыталась припомнить, что она видела вокруг, когда на дискотеке шла приглашать Каретникова: пары... пары... Драгомилова со Стельманчуком, Ромашка с Прокопчиной... Киркор, сидящий

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. ТРИ ВЗРЫВА НА ДИСКОТЕКЕ.	5
Глава 2. У КАЖДОГО СВОИ ТАЙНЫ	13
Глава 3. ПРОПАЖА КЛАССНОГО ЖУРНАЛА	22
Глава 4. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ГЛИНЯНОЙ ЗИНАИДЫ	35
Глава 5. ЗАБОЛЕТЬ МОЖНО И ОТ СТРАХА.	50
Глава 6. СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ ПОСРЕДИ НЕПРИЯТНОСТЕЙ	64
Глава 7. НЕПРИЯТНОСТИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ	73
Глава 8. САМООТВЕРЖЕННОСТЬ ПРЕЖДЕ ВСЕГО!	80
Глава 9. КЛИН ВЫШИБАЮТ КЛИНОМ.	92
Глава 10. КАКИЕ ЧУДЕСА МОЖЕТ ТВОРИТЬ ЛЮБОВЬ!	100
Глава 11. ПРЕДАТЕЛЬ ПРОСИТ ПРОЩЕНИЯ	104
Глава 12. ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ ОПРАВДЫВАЮТСЯ...	113
Глава 13. ОТ ЛЮБВИ ОДНИ ПРОБЛЕМЫ	126
Глава 14. И ЛЮСЬКА СНОВА ВОСПРЯЛА ДУХОМ.	135
Глава 15. ДОПРОС С ПРИСТРАСТИЕМ	142
Глава 16. БЫВАЮТ ЖЕ ТАКИЕ СОВПАДЕНИЯ!.	149
Глава 17. И ГЕНИИ ДЕДУКЦИИ ЗНАЮТ НЕ ВСЕ.	158
Глава 18. ПОРА РАССТАВИТЬ ВСЕ ТОЧКИ НАД «Г»	168
Глава 19. ПОСЛЕДНЕЕ ПРИСТАНИЩЕ ГЛИНЯНОЙ ЗИНАИДЫ.	177